

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
ПЗ8

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 174

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Плетнев, Александр Владимирович

ПЗ8 Линкоры : роман / Александр Плетнев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 448 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-121061-8

Что будет, если в бою сойдутся линкоры Второй мировой войны и корабли современных флотов? Условия для «стариков-линкоров» изначально покажутся проигрышными, ведь современные корабли вроде бы имеют беспспорное технологическое преимущество. Но так ли это? И какое значение имеют доблесть моряков и талант флотоводцев?

Посвящается всем тем, кто любит морские баталии, линкоры и крейсера, орудийные залпы главного калибра, подводные лодки и авианосцы!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121061-8

© Александр Плетнев, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Выдержка из отчета ученых-астрофизиков института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн:

...таким образом, во время так называемой «Солнечной вспышки» внутренняя атмосфера светила извергает заряженный газ — его раскаленные потоки идут вдоль магнитного поля звезды. Происходит извержение массы короны солнца, разбушевавшиеся частицы отлетают в космос на миллионы километров.

Одна вспышка эквивалентна миллиарду мегатонн тротила.

Обычный солнечный ветер дует со скоростью 400 километров в секунду. Но во время вспышки он превращается в шторм, и уровень рентгеновского и УФ* -излучения многократно повышается.

Атмосфера Земли, поглощая это излучение, разогревается и как бы «разбухает». То есть на высотах в несколько сотен километров от поверхности планеты увеличивается плотность атмосферного газа. Это способствует торможению спутников на низких орбитах, вплоть до их потери.

Изменение геомагнитного поля приводит к появлению индуцированного тока в линиях передач и трубопроводах. Как следствие: нарушение проходимости радиосигналов, перегрузки в электросистемах, выход из строя тонкой радиоаппаратуры.

* Ультрафиолет.

Атлантика. 05 ч. 30 мин. 55° с. ш. 35° з. д.

Вот оно, трепещет возле...

Время «до» и время «после».

Атлантический океан со времен открытия Нового Света стал основательно объезженным полем с предсказуемыми повадками, где, наверное, самыми худшими были осенне-зимние арктические ветра.

Однако и этот затаившийся вассал Посейдона готовился к буйству главного светила, уже низвергнувшего на подвластную ему систему и, в частности, на планету Земля свое то ли «вселенское дурное настроение», то ли обычный гневный «пар», выраженный в придуманных земными учеными эквивалентах и миллионнозначных числах, измеряющих энергетический потенциал.

Шторм уже назревал, но люди начали раньше.

* * *

Оперативное соединение флота США, состоящее из пятнадцати кораблей, центром которого являлся авианосец «Джордж Буш», двигалось походной компактной группой, поддерживая минимальную дистанцию и интервал, со скоростью 20 узлов, курсом 210 градусов в юго-западном направлении, патрулируя северные широты Атлантического океана (зона ответственности уже расформированного 2-го флота США).

Первым прокладывал дорогу крейсер типа «Тикондерога», следом побортно строем пеленга-уступа шли эсминцы (тип «Арли Берк»), за ними фрегаты «Пэрри» и снова «берки» — уже в кильватере.

Замыкали эскорт корабли снабжения и еще один «Тикондерога».

В середине ордера распластал свою тушу король соединения — «Джордж Буш».

В общем — шли почти классической тевтонской «свиньей».

В глубинах океана авианосную ударную группу сопровождала АПЛ типа «Лос-Анджелес» — SSN-761 «Спрингфилд»*.

На ходовом мостике островной надстройки авианосца, заведомо получив из штаба атлантического командования предупреждение о надвигающейся солнечной буре, принимали должные меры.

Самолету дальнего радиолокационного обнаружения и управления E-6** было приказано вернуться на авиабазу в Канаду. В воздух подняли пару F-18***. Эти две машины были одними из первых введены в строй в серии «Хорнет» и, невзирая на ряд модификаций, поджидали своего часа на списание и передачу-продажу какому-нибудь союзнику-сателлиту.

Командир боевой авиационной части здраво рассудил, что менее навороченные (в плане электроники) F/A-18A будут устойчивей к воздействию электромагнитного возмущения в магнитном поле планеты. Устаревшие машины должны были давно заменить свежими F-35B, но что-то там не ладилось: в штабах флота, в кошельках министерства, в высокопоставленных умах и электронных мозгах. Злые языки поговаривали, что F-35 оказались дорогими, чертовски сложными и капризными машинами.

— Борт один! Я пять-три!!! К взлету готов.

— Пять-три! Взлет разрешаю. Парни, вы там с электроникой по минимуму, о'кей? Радары отключить. Только визуальный контроль. А то сожжете технику.

— Я пять-три! Вас понял, — пилот, повернув голову, махнул рукой обслуге.

* АПЛ — атомная подводная лодка. SSN-761 — тип корабля и номер выпела.

** Boeing E-6 — воздушный командный пункт и самолет связи с подводными лодками.

*** F/A-18 «Hornet». (англ. — шершень, произносится «Хорнет»). F/A-18A — первый серийный вариант. Дальнейшее развитие — F/A-18F «Super Hornet».

Стоящий справа техник выдернул колодки из-под колес, привычно гримасничая — несмотря на шлем и шумопоглощающие наушники, рев и вибрация реактивных двигателей пробирали до самых костей.

Выпускающий офицер завертел правой рукой в воздухе, давая отмашку. Летчик отпустил тормоз, добавляя обороты движкам. Разгоняемый катапультной самолет стремительно набрал скорость. Палуба кончилась, и «Шершень», чуть просев, стал набирать высоту.

Через нормативные 15 секунд поднялась вторая машина.

Пара дежурных «Супер Хорнет» и «Хокай» параллельно заходили на посадку.

С высоты «острова» авианосца старший вахтенный офицер, по постепенному и едва уловимому изменению цветовой гаммы, наблюдал, как неумолимо надвигается рассвет. Океан под порывами северо-восточного ветра казался темным и холодным, поэтому опытный и, можно сказать, проверенно-обветренный норд-остами командир корабля поежился скорее от его вида, чем от холода, прогнозируя ухудшение погоды.

На ходовой мостик поднялся командующий соединением — трехзвездочный вице-адмирал Эдгар Хоувэл, зевнул в кулак, щелкнул челюстями и сдержанно поинтересовался:

— Ну, что там у нас? Докладывайте.

— Вот, сэр, — дежурный офицер подал распечатанные на листках директивы командования, подумав: «И чего это старому сухарю не спится в такую рань?»

Тем не менее, повернувшись к младшему офицеру, он распорядился насчет кофе, конечно, пытаясь угодить командованию.

— И?.. — Вице-адмирал, следуя расхожему выражению, что «утро добрым не бывает», был не очень разговорчивым, к тому же брюзжаще-недовольным.

Вместо ответа дежурный офицер, начиная медленно раздражаться, нажал кнопку на консоли, включив экран. Тот, вспыхнув, сразу потух, и снова загорелся картинкой, в рабочем режиме покрытой рябью и частыми полосами.

— Меры приняли? — Вице-адмирал никак не мог проморгаться, от этого был слегка похож на известного в свое время французского актера Луи де Фюнеса.

— Еще полчаса назад, как только стала сбойть аппаратура, — сдержанно ответил кэптен, — связи со штабом и спутниками уже нет. В воздух подняли два «старичка» «Хорнета».

— Правильно, зря, что ли, их катаем, — одобрил Хоувэл, — а подлодка?

Офицер пальцем указал вниз, подразумевая глубины океана.

— Тут частенько русские подводные лодки шастают. Так что внимательней там, — промычал вице-адмирал сварливым и назидательным тоном, принимая и сразу отхлебывая кофе. Потом, довольно щурясь на восток, добавил: — Хм, светает.

— Сэр, — офицер связи тоном и всем своим видом давал понять, что новость серьезна, — с эсминца «Салливанз» сигнализируют, обнаружены справа по курсу неопознанные суда.

— Так прикажите ему ускориться, выйти из ордера да нагнать этих... кто там? Рыбачков? — хмыкнул адмирал.

— Сэр!!! — уже растерянно промолвил офицер связи. — Докладывают с эсминца «Рэмедж». Левый сектор эскорта. Многочисленная группа кораблей. Визуальный контакт.

— Сэр! Взгляните на это, — дежурный офицер протянул командиру бинокль.

Тот расслабленно и вальяжно подхватил его одной рукой, но едва поднес оптику к глазам — кофе вылетел из руки вице-адмирала.

— БОЕВАЯ ТРЕВОГА!!!

* * *

Два F/A-18A, поднимаясь до девяти тысяч метров, просвистели турбинами над головными кораблями ордера и удалились от соединения миль на десять по курсу его движения.

Пилоты заложили лихой разворот со снижением до шести тысяч, поворачивая на обратный курс.

Ведущий, лейтенант Денрайт, скосив взгляд влево, округлил глаза: на мерном колыхании океанической пустыни, едва тронутой рассветом, вдруг появились вытянутые белые кильватерные дорожки, тянущиеся за менее заметными серыми силуэтами кораблей. Это было похоже на рассыпанную в боевом порядке эскадру, носы кораблей отбрасывали длинные пенные усы, а крепкий ветер сносил вбок черные, медленно рассеивающиеся полосы дыма из труб, что говорило о приличной скорости всего соединения.

«Один, два, три... дьявол! Срочно доложить!»

— Борт! Я пять-три, я пять-три. Группа кораблей в квадрате сорок девять—сорок, предположительно военные, повторяю...

Тут его прервал взволнованный «ведомый»:

— Командир! Взгляните направо!

Лейтенант перевел взгляд. Он не успел удивиться при виде еще большего количества кораблей по правому борту («Около тридцати», — отметил навскидку опытный летчик.) — в глаза бросились идущие в центре неизвестного ордера два (или три?!) крупных судна — широкопалубных, вытянувших узкие носы. Даже под острым углом с высоты он обратил внимание на необычные высокие надстройки, блямбы башен и торчащие стволы орудий. Привычные площадки для взлета самолетов отсутствовали!

«Линкоры?!»

Он еще находился в недоумении, запоздало ображая и совершенно не реагируя на обильные огненные пятна-вспышки, окрасившие серые силуэты непонятных чужаков. Боковое зрение в секунду дер-

нуло голову в многофункциональном шлеме вправо и чуть выше.

— Ах!!!

Под самолетом «ведомого» сразу за кабиной пилота вспыхнул огненный шар. Остроносый «Шершень» переломился надвое! Обломки мгновенно исчезли внизу и позади, так как лейтенант Денрайт резко бросил машину влево и вверх, уходя из-под обстрела, показав опасности два киля и жаркие сопла, густо загадив небо черным форсажным выхлопом.

Упреждая сигналы бортовых систем о захвате самолета зенитными ракетами, пилот быстро щелкнул по клавишам, отстреливая светящиеся шарики тепловых ловушек и засеребренный иней дипольных отражателей.

Еще он что-то кричал в эфир, но внизу и так все уже знали.

* * *

Ходовая рубка авианосца вмиг превратилась в галдящий базар — посыпались десятки команд и рапортов! И без того переполненный треском помех эфир взорвался срочными докладами и распоряжениями! За какой-то миг время вдруг поменяло скорость своего течения, разделившись незримой чертой на состояние «до» и «после».

Время «до», когда проходят четко спланированные учения или даже такие же отретпетированные до мелочей военные действия (например, в Персидском заливе), и его (времени!), отведенного нормативами, хватало.

И время «после», когда ни командиры, ни подчиненные, казалось, немного, но постоянно не поспевают за идущим на шаг впереди противником.

Какова скорость мысли? Кто-то романтично заявляет, что скорость мысли быстрее скорости света, потому что мысль рождается мгновенно, и, дескать,

эта пока неизведанная переменная — наш будущий проводник к далеким и неизведанным галактикам.

В свою очередь ученые довольно точно измерили максимальный порог скорости прохождения импульса по нервным волокнам человеческого тела — всего лишь 250 км/час. Поэтому в общей совокупности — скорость человеческой реакции весьма медленный процесс.

Мгновенно сформировавшаяся мысль должна себя реализовать — то есть дойти из родивших ее глубин мозга до периферийных, исполняющих органов.

Корабли американской эскадры, объединенные в единое целое с помощью БИУС*, «договаривались» между собой гораздо быстрее, чем управляющие ими люди. Человек выступал скорее сдерживающим фактором, внося сумятицу в алгоритмы и приоритеты электронных «мозгов». Речевой аппарат гомо сапиенс не успевал за сформированными в голове приказами. А уж движение рук и ног добавляли те секунды запоздания, которые могли привести прекрасно налаженную военную машину к гибели.

Среди тысячи мыслей, сразу (за каких-то парутройку секунд) посетивших голову вице-адмирала Эдгара Хоувэла, ярче выделялась одна: «ОТКУДА ОНИ ВЗЯЛИСЬ? Как система дальнего обнаружения (все эти ИЗС** разведки, самолеты ДРЛО, корабли РЛД***) могла подпустить так близко такое крупное соединение!»

Вице-адмирал жадно вглядывался в бинокль. Темные силуэты огромных кораблей напоминали доисторических динозавров, ужасных и одновременно прекрасных своими заточенными на агрессию линиями.

* БИУС — боевая информационно-управляющая система.

** Искусственный спутник Земли.

*** ДРЛО — дальнее радиолокационное обнаружение. РЛД — радиолокационный дозор.

Мужчины вообще повернуты на военных железках. Девочки никогда их (мужчин) не понимали: «Ну что может быть красивого в угловатых, абсолютно бездарно и невзрачно выкрашенных, с торчащими туда-сюда железками, тяжелых... утюгах?» Не могли они понять эту жесткую архитектуру, включающую в себя мощь, защиту, умение не только перемещаться в четыре стороны света, но разить вокруг себя, давая ощущение неуязвимости и могущества.

Колотящиеся мысли в голове адмирала сходились теперь на втором четко сформировавшемся вопросе: «КТО?! Кто сейчас воюет линкорами? Последний раз в бою линкоры применяли Соединенные Штаты. Господи, да там не один крупный корабль! И что, кто-то расконсервировал, вывел с последних приколов корабли-музеи? “Огайо”, “Миссури”, “Нью-Джерси”? Террористы? Офицерский переворот? Невозможно! Не-воз-мож-но!»

Прошло всего полминуты с того момента, как прозвучала команда «Боевая тревога». Вице-адмирал со щемящей тоской в груди наблюдал за чужой эскадрой. Он попытался сосчитать многочисленные малые корабли, сопровождавшие линкоры, когда его замершее сердце, казалось, ухнуло куда-то вниз — чужая эскадра окрасилась всполохами выстрелов.

Прекрасно было видно в бинокль, как нос ближайшего крупного корабля накрывало пеной накатывающей волны... и в это время производился залп главным калибром (а чем же еще, черт побери!), и снаряды с пороховыми газами пробивали перехлестывающую волну, словно пробкой из бутылки шампанского, в искрящихся брызгах вырываясь несущейся смертью в его сторону.

«Я еще сплю, — Хоувэл почему-то не верил в то, что уже стало происходить, — это просто сон, просто страшный сон!»

Он до последнего надеялся, что неизвестные ответят на панические запросы американцев по радио, и недоразумение разрешится.

В следующую секунду уши заполнил звук приближающихся снарядов.

Эдгар Хоувэл поморщился — звук тысячами орущих кошек раздирал перепонки. Ему почему-то пришло именно это сравнение — оружие кошки!

«Ненавижу кошек», — подумалось ему, когда у правого борта авианосца встали огромные столбы воды.

ДЗВИ-ИНГ!!! Один из снарядов срикошетил о борт, взорвался в воздухе у кормы, обдав осколками, колыхнув ударной волной стоящие на палубе самолеты.

Еще один жуткий удар!!! Офицеры на мостике невольно присели, когда над ними, где-то выше в надстройке хлопнул, заложив уши, взрыв. На несколько минут оглохнув, они не слышали, как десятки осколков пробивают обшивку и переборки. Они увидели уже результат — рвущийся металл, дробящийся пластик, разлетающееся стекло и кровавые брызги. Искрила и дымила измочаленная аппаратура, терзаемые болью люди катались по полу, сползали по стенкам и стойкам аппаратуры, широко открывая рты, сначала в немом крике, потом все громче и громче.

«Да кто же это?! Китайцы сюда не доходят. Русские? Сумасшедшие союзники—англичане?» — вице-адмирал стоял на мостике, даже не сдвинувшись с места. Казалось, что он и не заметил, как вся эта смертельная шрапнельная вакханалия просвистела мимо. Отметая каждое предположение, Хоувэл смотрел, как вверенное ему соединение рвет на части.

Корабли шли порой среди сплошных стен вздымающихся водяных столбов, окрашиваясь частыми вспышками и дымными шапками, выплевывая смертельное «свое» и принимая убийственное «чужое», вздрагивая залпами и сотрясаясь раздирающими взрывами.

Авианосцу с первым залпом неприятеля повезло — фактически ни одного прямого попадания крупным калибром. А вот кораблям сопровождения...

Головной крейсер горел, черно дымил, потеряв ход. Не имея возможности маневрировать, он стал лакомой мишенью, и минуты его были сочтены. Следующие за ним пять кораблей эскорта резко рыскали по курсу то влево, то вправо. Казалось, их вот-вот накроет, но они словно неуловимые виртуозы всякий раз избегали накрытий, лишь принимая тонны воды на палубы и залетные осколки в надстройки от близких накрытий. Несчастные надводные скорлупки, вырываясь из водяного плена, снова и снова пытались настроиться на атаку.

Кораблям эскорта, идущим с правого траверза авианосца, досталось еще больше. Один фрегат, зарывшись в воду носом, задрал высоко корму и беспомощно молотил воздух винтами. Второй, получив в надстройку ужасающий полуторатонный снаряд, казалось, только от одной кинетической силы удара перевернулся и теперь торчал над водой поплавком острого киля. Крейсер УРО* горел от носа до кормы. Браун удивился: «Что там так может гореть — виниловое покрытие палубы? Не должно!»

Было видно, как от «Тикондероги» отлетают рваные, дымящиеся куски, сотрясая взрывами несчастный корпус, выбрасывая в небо новые сгустки пламени.

Идущие сзади по правому и левому траверзу фрегаты УРО типа «Оливер Перри» и эсминцы «Арли Берк» получили меньше повреждений. Постоянно маневрируя противоракетным зигзагом, фрегаты, пульсируя вспышками носовых артиллерийских орудий, выпустили и первые ракеты. Следом, наконец, и эсминцы — по максимуму: покрыв палубы и надстройки сизым дымом стартовых двигателей противокораблей, выплевывали их с секундными интервалами, одну за другой.

Две эскадры шли на встречных курсах. Корабли неизвестных широкой дугой охватывали авианосное

* Управляемое ракетное оружие.